

45. НА ХУТОРЕ ЕВРОПЫ

Нормальный человек хочет (и не скрывает этого) хлеба, зрелищ и красивую женщину. Главные желания человечества в Швеции какие-то невыразительные, бесстрастные.

Я – в ожидающей толпе у Королевского дворца в Стокгольме. Поговору слышу, что иностранцев мало. В основном собрались местные, шведы, что видно по дешевым курткам на мужчинах и женщинах. Они приехали в столицу из провинции и, конечно же, прибежали посмотреть главное зрелище государства – смену Королевского караула.

В центре ритуального плаца, у старинных пушек, громко забарабанили. Откуда-то из арки показалась колонна солдат и, как говорят, чеканя шаг, вступила на площадь. В колонне два ряда по семь-восемь солдат, можно увидеть и оценить выправку каждого. И ... расхохотаться.

На площади ожила казарменная пародия. Такие у нас рисуют на карикатурах или в сереньком БТ-шоу штампует актер-комик Крижановский, который недавно хотел поработать белорусским президентом. Шведская карикатура, исполняя церемониал, двигалась под заинтересованным взглядом зрителей: один солдатик высокий, за ним – маленький, затем – среднего роста. Замыкал парад толстенький коротышка, он от напряжения согнулся, как старичок, норовил выбросить вперед правую ногу и правую руку одновременно. Представляете, как смешно?

Но среди зрителей никто не смеялся. И я – тоже. Потому что понял, что для шведа важнее не зрелищность королевского караула, а самоуважение каждого солдатика, шагающего хотя и в неровном, однако почетном строю. Мама того карапуза, который еще не освоил солдатскую науку, гордится им так же, как, помню, в моей деревне Горск родители гордились сыном, направленным служить в кремлевскую роту, караулившую того, кто в СССР был «живее все живых». Это ж надо, говорили в деревне, попал в такое место! Туда же отбирают одного из тысячи!

Действительно, туда отбирали по росту, по цвету волос и глаз. С солдатами караула № 1 работали опытные физиономисты и настоящие фельтфебели, часами муштровавшие пацанов на плацу. Как же, на красавчиков смотрела вся страна. На них глазел мир, восхищаясь их нечеловеческим автоматизмом.

Страна «развитого социализма» была озабочена показными шоу, ее не интересовало самочувствие солдата у двери в гранитный трупный склеп. Солдат № 1, безусловно, был горд, что оказался единственным из тысячи, хотя от перенапряжения физических и моральных сил падал в обморок у склепа (я сам видел).

В стране обычного социализма, то есть в Швеции, солдат для почетного караула специально не отбирают. Условно говоря, послужить при королевском дворе имеет шанс не один из тысячи, а вся тысяча. По очереди, естественно. И недолго, чтобы всем хватило времени и места.

Главное для шведского общества – не королевские амбиции. Главнее – амбиции молодого человека. Ему предоставляют возможность заразиться гордостью за себя, чтобы потом, как все мужчины в мире, он рассказывал о почетной службе своим друзьям и своим детям. В Швеции уважают и фамилию королевскую, и фамилию простую.

Все – равны в общественном строю. И высокий, и коротышка. Людей не выстраивают по нашему солдафонскому принципу: впереди – самые высокие, затем – ниже, ниже... В Швеции заботятся о том, чтобы низкий не почувствовал себя ущербным.

Каждый человек имеет право и возможность быть высоким, прежде всего в собственных глазах, а не ради шоу, даже королевского.

Армейская закалка, как у нас говорят, мужчине пригодится надолго. Флегматичного (внешне) шведского парня всю жизнь будет будоражить чувство равных возможностей, вынесенное им со службы.

После армии перед ним три пути: учиться, жениться, открыть свою кампанию. Скорее всего, он выберет бизнес, послав в специальный государственный центр заявление о регистрации его кампании. Через интернет, конечно. Не контактируя с чиновниками.

В Швеции 500.000 кампаний, из них 62 процента состоят из одного человека, а 30 процентов – из десяти. В таких кампаниях большинство предпринимателей имеет образование 9 классов. И все эти «маленькие паровозики» упрямо тащат страну к устойчивому достатку. К хлебу и маслу. И вся страна им прислуживает. В том числе – средства массовой информации.

Ответственный секретарь процветающего экономического еженедельника «Дагенс индустри» (тираж 124.000) сообщил, что концепция газеты строится на оперативной полезной информации, изложенной простым языком. Чтобы ее без усилий усвоил предприниматель с 9-классным образованием. Сознательная примитивизация шведских газет проявляется в упрощенной верстке, в обилии мелких материалов.

Газеты в Швеции читают молниеносно. Бросают там, где прочли. На конечной станции электрички по вагонам ходит уборщик и собирает в мешок газетные ворохи. На перроне стоят железные баки, доверху заполненные отслужившими газетами. По брошенным газетам шведы ходят круглый год, как мы ходим по шуршащим осенним листьям.

Я шел по шведским газетам и невольно жалел шведских коллег: каково им наблюдать под ногами результат своего труда! У нас газету могут читать целый день, а то и неделю. Затем изорвут на квадратики и повесят на гвоздик в укромном местечке.

Логическим продолжением солдатской темы будет разговор о женщинах. Во-первых, потому, что в шведской казарме о женщинах говорят и думают так же много, как и в нашей, белорусской. Во-вторых, президенту типичной шведской кампании с девятиклассным образованием хочется жениться.

После армии прошло 5 лет, типичный президент уже успел разориться (65 процентов кампаний выживают только три года), но он все равно остался президентом, потому что открыл новую кампанию. Он упрям, тщеславен, несет себя высоко. Никто и ничто не мешает ему строить нормальную жизнь. У него, возможно, уже собственный дом, построенный в кредит на 30-50 лет.

В общем, надо жениться. Искать жену. А с этим в Швеции, на взгляд белоруса, – непросто. Европа разочаровывает наших мужчин, привычно ищущих в толпе красивые женские лица. За Брестом и Гродно – явно другие женщины. Иногда подумаешь, что им сложно выйти замуж. А в Швеции, в углу Европы, в этом смысле, видимо, еще сложнее, ибо шведские женщины кажутся скромными, неэффективными.

Ладно, Бог не дал, как у нас говорят, лица, зато дал денег, а при деньгах каждая может при желании сотворить из себя королеву, как умеет практически каждая у нас, даже при муже-пьянице. У нас женщина, чтобы выгладеть на людях, как все, может купить себе дорогую кожаную куртку, оставив детей-школьников без теплой обуви.

Деловые эмансипированные шведки не хотят быть королевами, вот что замечает мужской взгляд! Если бы захотели, то джинсы обязательно постирали бы, невзрачную куртку заменили на новую, ботинки мужского фасона почистили бы от грязи, обязательно стрельнули бы глазками во встречного красавца.

Допустим, я неприметный дядька, но рядом со мной молодой спутник – высокий и красивый, и в модном пальто. В него шведки тоже не стреляли.

А может, я скатился к известной проблеме озабоченных командированных мужчин? Честное слово, родная жена, в данном случае я – только журналист, а журналиста движут по жизни ассоциации.

В детстве мы часто ездили всей семьей на хутор к близким родственникам. От Горска до хутора было 10 километров. Ехали возом по заболоченной лесной дороге. Нас радушно встречали. Родители и мы с братом одевали все праздничное. А хозяйка хутора была в одном и том же халате. Помню, мама сказала с легким укором: «Скинь ты этот халат! У тебя полный шкаф одежды.» – «Я ж на хуторе, Маня. Привыкла к халату», – ответила родственница, не обидевшись.

Шведские женщины чем-то похожи на нашу хуторянку. Хуторской менталитет не позволяет шведам стремглав бежать в Европу. В Европейский союз Швеция вступила, а евро не приняла, оставшись при родимой кроне. Я спрашивал у сведущих людей: почему? Куча путаных аргументов базировалась почти на белорусском постулате: как бы чего не случилось! Мы и шведы похожи, потому что мы, белорусы, – тоже хуторяне Европы.

И вновь про женщин. Если женщина не замечает красивого мужчину, то она не заметит и грязной листвы на улицах Стокгольма, и кучи мусора возле баков, стоящих на проезжей части, и свалок старых велосипедов во дворах домов, и допотопных поломанных скамеек на центральном вокзале столицы, и кучи размякших газет на тротуарах, в метро, в автобусе, в электричке...

Если женщина равнодушна к себе, она равнодушна к окружающей среде – и среда делается равнодушной. Я ощутил сие, когда несколько раз заблудился в Стокгольме, как дядька Антось в Вильне. Дядьке было проще, он находился в своей столице, а я в чужой. Пытался по-английски (его тут знают все) спрашивать дорогу у прохожих. Мне не желали помочь. Молча удалялись. Отмахивались руками. От меня шарахались, как от бомжа. Хотя моя куртка, черт побери, выглядела не хуже, чем на них. Дорогу я находил при помощи карты и собственной смекалки.

Но я отвлекся от женщин. В этом плане разочаровывает и шведское телевидение. По сравнению с российским и белорусским ТВ, демонстрирующим красавиц-ведущих, шведское навеивает на мужчину-зрителя тоску. На экране пожилые женщины без макияжа и признаков уложенной прически. Видно, что они профессионалки ТВ, но ТВ должно нести в массы и эстетический импульс, исходящий от привлекательной женщины.

Впрочем, не буду навязывать шведам свои подходы. Чтобы не натолкнуться на известный вопрос: если ты такой умный, то почему такой бедный? Попытаюсь понять их при помощи опыта Италии, отнюдь не бедной на эффектных красавиц. В Италии недавно провели исследование на тему: женщина и информация. Поверьте, это важная тема. Телевидение создает вторую жизнь, женщина-ведущая может повести эту параллельную жизнь или в одну сторону, или в другую. Важна информация, которая вылетает из уст тележенщины.

Так вот, чем милее дикторша, тем менее значимо то, о чем она информирует. Исследователями был проверен уровень внимания 1500 итальянцев во время передачи новостей. Этот уровень меняется в зависимости от привлекательности женщины в кадре. Почти у трех из четырех респондентов абсолютно ничего не откладывалось в памяти из того, что сказала дикторша за первые 30 секунд телепередачи. Вместо того чтобы анализировать услышанное, они изучали говорящую женщину. На третьей минуте передачи уровень внимания нормализовался, но за это время сколько информации прошло мимо ушей!

Статистика по теме «женщина и информация» такова. 72 процента мужчин прекрасно помнят содержание всей передачи новостей, если ее вела непривлекательная женщина без макияжа. И только 40 процентов вспомнили услышанное из уст хорошенькой дикторши. 58 процентов забывчивых потребителей информации признались, что больше всего их внимание привлекают губы дикторши.

Выходит, Швеции нет причин волноваться по части эффективности телевидения. Оно показалось мне рациональным и простоватым, как вся неброская скуповатая шведская жизнь, не желающая демонстрировать свое богатство. А может, богатства и нет?

На стабильном предприятии страны «Сканиа», выпускающем грузовики для дальних перевозок, «чистая» зарплата рабочих (после вычета 28-процентного налога) составляет 1500 долларов США. У начальников чуть больше. Начальники не могут получать так много, как у нас (выяснилось, что

начальники ЖЭСов получают по 1 тысяче долларов в месяц!). Это не в правилах шведского общества, где, как я сказал, все равны в жизненном походе к счастью.

1500 долларов можно считать средней месячной зарплатой в стране. Много ли это? Считайте – и не завидуйте. Одну треть надо отдать за жилье. Неказистая пара женских сапожек стоит 150 долларов. Не потому ли женщины Швеции так любят дешевые кроссовки? Дубленка среднего пошиба стоит 1000 долларов, вот почему в Стокгольме я не встретил женщины в дубленке.

Я видел шведскую женщину в продовольственном магазине, она задумчиво ходила между полками и витринами, где красовались всевозможные продукты запредельной цены. Я видел шведов, покупающих электророзетки на рынке в центре Стокгольма. Практически на всех площадях утром разворачивают «блошинные» рынки, где выставляют знакомый по нашей Комаровке китайско-турецкий ширпотреб и где шведы азартно торгуются с продавцами-азиатами.

Чтобы жить примерно так, как шведы, в Минске надо получать 300 долларов на каждого члена семьи. При наших нынешних ценах. Но как только нам позволят получить 300 долларов, те, кто позволил, поднимут цены на все и вся. И мы опять опустимся на дно.

Шведы не богаты, а экономны и скромны. Вдоль электрички нет вычурно шикарных дворцов-коттеджей, как по дороге в Молодечно либо Столбцы. В городке Густавсберг жилые дома одно- двухэтажные, такие деревянные квадраты красного цвета.

Новогодние елки в Стокгольме невысоки, украшены только лампочками. Куда им до елки-королевы на Октябрьской площади Минска, куда со всей Беларуси свозят детей, утомленных радиацией и бедностью!

На стокгольмских улицах дорогих автомобилей и джипов значительно меньше, чем на минских. Пышной иллюминации в столице нет. Скромно подсвечиваются редкие дома. Зато повсеместно – в больших ресторанах и маленьких кафе, у входа в магазины, на тротуаре, в окнах домов – горят свечи и жировые фитили. В их мерцающем свете Стокгольм, где осенью и зимой в три часа уже темно, кажется непознанным.

В витрине одного из ресторанов я увидел сцену, поразившую меня. У окна вместо привычного подоконника был устроен мягкий диван. На диване спал ребенок. У дивана стоял столик, на нем горела свечка, напротив друг друга сидели молодые посетители. Швед и шведка. Папа и мама. Им захотелось в ресторан, а куда девать ребенка? В ресторане знали, что молодым супругам хочется посидеть вечером за бокалом пива и чашкой кофе. Потому устроили подоконник-диван.

Меня никто не видит, я в темноте. Я наблюдаю шведскую жизнь. Ребенок, наверно, заплакал. Мама подошла к нему, взяла на руки – и сделалась королевой.

Все-таки я подсмотрел прекрасную шведку.

2002